

“ДЕЛО ИЛЬЕНКОВА” И “ДЕЛО ЗИНОВЬЕВА”

© 2017

Е.Э. Иллеш

Не буди лихо, пока оно тихо

В соответствии с “законом первого абзаца”, последний (простите за оксюморон!) должен быть уничтожен. Такому древнему редакторскому трюку обучал меня мой муж-журналист — дескать, быка за рога надо брать сразу. Мною было уничтожено немало первых абзацев данной статьи, но все равно без некоторого пред- уведомления не обойтись.

Этот материал не вошел в книгу, которую мы выпустили вместе с В.А. Лекторским, А.Д. Майданским и покойным И.А. Раскиным [5]. В книге собраны не публиковавшиеся прежде статьи и доклады молодого Э.В. Ильенкова¹, а кроме того документальные материалы о драматической истории издания его первой книги [6; 7]. История (коротко) была такова: рукопись еще неизданной в Москве “Диалектики абстрактного и конкретного” оказалась в итальянском издательстве “Фельтринелли”, которое, на беду, в 1957 году выпустило “Доктора Живаго” Б. Пастернака. Если бы не это, может, все и обошлось бы — издательство считалось коммунистическим. Но по Эвальду Васильевичу “Живаго” ударил рикошетом: отцу пришлось пройти все круги партийных разбирательств и мучений.

В описываемых событиях не последнюю роль играл близкий друг Ильенкова — Александр Александрович Зиновьев². То, что был друг и притом близкий, — могу засвидетельствовать. “Дядя Саша” бывал у нас часто, наверное, до середины 1960-х. Во всяком случае, свою будущую молодую жену Ольгу, с которой познакомился в 1965 году, он к нам приводил. Позже пути Ильенкова и Зиновьева разошлись. Но сейчас не об этом. А о том, что меня стал мучить соблазн сравнить поведение двух друзей в почти одинаковых ситуациях: 1958 год — “Дело Ильенкова” (“Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении”³) и 1976 год — “Дело Зиновьева” (вышедшие за рубежом “Зияющие высоты” [1]). Было решено, однако, нашу книгу не перегружать и не выходить за хронологические рамки.

Я расстроилась, но вынуждена была согласиться. К тому же сейчас понимаю, что мой текст грешил излишним пафосом

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

**Иллеш Елена
Эвальдовна** —
кандидат психоло-
гических наук, жур-
налист (Москва).
E-mail: elillesh@
gmail.com

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ; проект № 17-03-00160а “Подготовка к печати неизданных работ Э.В. Ильенкова 60–70-х годов из архива философа”.

¹ Ильенков Эвальд Васильевич (1924–1979), советский философ-марксист, автор книг по диалектической логике. Был пионером и признанным лидером поколения “оттепели” в области философии. В последние годы жизни много занимался проблемами культурно-исторической психологии, активно участвовал в Загорском эксперименте по воспитанию слепоглухих детей.

² См. с. 8.

³ См. с. 9.

Трансформация образа (этот и следующие три рисунка): от дружеских шаржей к злым карикатурам. Изменился не только образ Э.В. Ильенкова, но, по-видимому, и мировосприятие художника А.А. Зиновьева

² Зиновьев Александр Александрович (1922–2006), советский философ, автор работ по логике и методологии науки. В поздний период творчества разрабатывал “логическую социологию” и писал сатирические произведения о советской действительности. В 1978 году был выслан из страны; по возвращении в Россию (1999) преподавал на философском факультете МГУ и занимался общественно-политической деятельностью.

8

и плохо скрываемым личным мотивом. Пафос постаралась убрать, но мотив остался — дело в том, что в своей автобиографической книге “Исповедь отщепенца” (1988) [3] А.А. Зиновьев выдвигает против своего бывшего друга зловещее обвинение. Об этом, по сути, и пойдет речь. Жизнь, правда, показала, что не так много людей из бывшего университетского и институтского окружения Александра Александровича эту “Исповедь” читали — во всяком случае, в выходящих воспоминаниях о советском философском прошлом имени Зиновьева и Ильенкова стоят почти всегда рядом и почти всегда в мирном контексте, если не считать войной борьбу за торжество логики формальной или диалектической [см., напр.: 16]. Так что, может, и не стоило бы тревожить лихо, если бы не один эпизод.

Как-то пришли ко мне студенты философского факультета МГУ, они со-

бирались снимать фильм про отца. Я спросила их, читают ли Ильенкова на факультете, интересуются ли? На простой вопрос молодые люди отвечали уклончиво, но за их деликатными попытками смягчить формулировки можно было разобрать: не очень интересуются, потому что считают его доносчиком (!). Вскоре после этого неприятного известия мой друг Илья Анатольевич Раскин обнаружил в Интернете видеозаписи лекций Зиновьева, которые он читал студентам, вернувшись из многолетних зарубежных гастролей в Россию. Цитирую: “Кто такой Ильенков — вам известно. Он превозносится сейчас... Он, по крайней мере, десяток доносов на меня написал” [10].

Вот вам и “дядя Саша”. Лихо перестало быть тихим...

Фигура умолчания

Прежде чем заняться анализом содержания “Исповеди отщепенца”, скажу несколько слов о достоинствах книги и о том образе автора, который предъявлен читателю. В отличие от других сочинений, которые щедрые критики сравнивали с творениями известных фантазеров Ф. Рабле или Дж. Свифта, “Исповедь” — сочинение вполне реалистическое, автобиографическое, в котором по преимуществу вещи названы своими именами, а люди действуют под своими, а не вымышленными, фамилиями. Что касается образа автора, то перед нами возникает очень мужественный, целеустремленный человек, сумевший преодолеть многие жизненные трудности и испытания. Человек, наделенный многими та-

лантами, в том числе и неистребимым чувством юмора. Набор самых похвальных мужских качеств уравнивается, пожалуй, известным высокомерием (сам автор пишет о том, что смотрел на людей и их пороки свысока, с позиции “переодетого принца”) и, как это ни прискорбно, полным отсутствием скромности⁴.

Фигура умолчания — известный литературный прием двоякого назначения: автор либо желает, чтобы читатель сам догадался, о чем умалчивается, либо, напротив, стремится утаить нечто от читателя. Понятно, что, рассказывая про университетские годы или годы работы в Институте философии, Зиновьев никак не мог игнорировать Эвальда Васильевича — слишком многое их тогда связывало. Однако не все так просто — в первый раз Ильенков появляется в книге “за кадром”, даже без упоминания имени.

Сюжет таков: А.А. Зиновьев написал повесть, главный герой которой — доносчик (в хорошем, как пишет автор, смысле), название — “Повесть о долге”. Автор решил показать сочинение профессионалам: “Одну копию я отнес К. Симонову, другую — писателю В.И., с которым меня познакомил университетский приятель” [3, с. 251]; “Писатель В.И. нашел повесть идеологически порочной” [там же, с. 252]. На этом первые писательские опыты Зиновьева были прекращены. Но нас интересует другое. Очевидно, что “писатель В.И.” — это Василий Павлович Ильенков, в те годы известный литератор, лауреат Сталинской премии. Что касается Эвальда Васильевича, то он скрыт за псевдонимом “университетский приятель”. Какие-то обстоятельства помешали автору сообщить о том, что в те годы он был очень дружен с моим отцом, был вхож в дом, знаком с родителями Эвальда Васильевича, бывал частым гостем на их даче в Переделкине.

То были университетские годы обоих, конец 1940-х — начало 1950-х, когда не заметить фигуры Ильенкова и его роли на философском факультете МГУ было просто невозможно. Однако и тут присутствует фигура умолчания: «В 1948 году на факультете состоялась дискуссия по вопросу о соотношении формальной и диалектической логики. Выражение “диалектическая логика” несколько раз встречается в работах Энгельса и Ленина. В условиях общего оживления в стране нашлись энтузиасты, которые решили проявить творческое новаторство за счет этих слов. Это было тоже характерно для советской философии тех лет — тво-

³ Книга вышла в 1960 году под другим названием [6], в первоначальном варианте издана в 1997 году [7].

⁴ “Мою книгу называли первой книгой XXI века. Меня сравнивали с Рабле, Свифтом, Данте, Франсом, Салтыковым-Щедриным и многими другими великими писателями прошлого. Я воровался этой книгой в литературу совершенно неожиданно для всех, как метеор, сразу войдя в число крупнейших писателей века (так писали в газетах). Если бы книга была издана в России, мне был бы гарантирован беспрецедентный литературный успех” [3, с. 486].

рять в рамках цитат из классиков марксизма» [там же, с. 268].

В приведенной выдержке нельзя не увидеть шпильку в адрес Ильенкова, здесь он зашифрован под именем “энтузиаст” и заглазно обвинен в примитивном цитатничестве.

И снова о том же, в главе “Уход в логику”: “Интеллектуальный уровень диалектического материализма тоже оказался невысоким. ...Так что с третьего курса я стал заниматься логикой с намерением специализироваться в этом направлении. Тем более логика считалась беспартийной наукой, что соответствовало моей беспартийности и аполитичности” [там же, с. 267]. На сей раз последователи диалектического материализма (читай — все тот же Ильенков) обвинены, ни много ни мало, в невысоком интеллектуальном уровне.

И все-таки нельзя было совсем проигнорировать бурную факультет-

скую жизнь начала 1950-х годов и в особенности ту роль, которую играл в ней аспирант, а затем преподаватель Эвальд Ильенков [подробнее см.: 9]. Действительно, автор вынужден был скупко сообщить об этом читателю, но опять без имен и подробностей: “На нашем факультете эта общая тенденция проявилась в своеобразном бунте студентов, аспирантов и молодых преподавателей против низкого уровня философской культуры и против застоя в философии, в борьбе за дальнейшее развитие марксизма-ленинизма. Тем не менее, это был бунт” [3, с. 270]. Здесь с уверенностью обнаруживаем Ильенкова среди “молодых преподавателей”.

Приходится предположить, что фигура умолчания, так широко используемая автором при описании времени обучения на факультете, служит для того, чтобы не создавалось никакой конкуренции главному, с точки зрения Зиновьева, событию тех лет, а именно защите его собственной диссертации. В главе “Диссертация” читаем: “На многих студентов и аспирантов моя диссертация произвела сильное впечатление. Диссертацию размножили во многих копиях. Это организовал Г. Щедровицкий, который в те годы был моим последователем. ...На основе идей моей диссертации образовалась небольшая группа. В нее помимо Щедровицкого входили Грушин, Мамардашвили и другие, но через пару лет группа распалась” [там же, с. 272].

А вот и первое упоминание друга Ильенкова: “Большинство моих знакомых переживали смерть Сталина как искреннее горе.

Мой тогдашний друг Э. Ильенков рыдал, возлагал надежды на Мао. При этом он готовился разоблачить вместе со всеми сталинскую вульгаризацию марксизма” [там же, с. 275].

Рыдал Ильенков или нет — свидетелей тому не осталось. Но важен контекст — в 1988 году (год написания “Исповеди”) факт оплакивания Сталина уже сам по себе нес негативный оттенок, особенно на фоне многократно заявленного антисталинизма (еще с довоенных времен!) самого автора. Читателю предложено, таким образом, сравнить прозорливость и интеллект двух друзей и сравнение, что очевидно, должно быть не в пользу Ильенкова.

Дальше следует оправдание того факта, что сам Зиновьев все-таки вступил в партию, повинувшись неким высшим соображениям: “Вскоре после смерти Сталина у меня состоялся разговор с В. Громаковым, тогда секретарем партбюро факультета. Он сказал, что мне следовало бы вступить в партию, что начинается такое время, когда мои антисталинские настроения⁵ могут быть полезными для страны... Он был одним из тех, кто дал мне рекомендацию. Другую рекомендацию дал мне друг-враг Э. Ильенков” [там же, с. 310].

Здесь впервые возникла антитеза “друг-враг”. Она пока не объяснена и ничем не мотивирована. Объяснения и мотивы повяжутся дальше.

А нам пора рассмотреть следующий литературный прием.

Гипербола

1974 год. Год юбилея Академии наук. По этому случаю академические институты получили право представить своих ведущих сотрудников к награждению орденами и медалями. Читаем в книге Зиновьева: “Был даже награжден медалью в связи с юбилеем Академии наук. Был представлен к ордену, но степень награды снизили в ЦК. ...Для меня эта медаль была оскорбительной, и я от нее хотел отказаться. ...Медаль я сразу же выбросил в мусорную урну. Но даже и эта жалкая подачка вызвала зависть и злобу...” [там же, с. 438].

В самом начале своей “Исповеди” Александр Александрович признается в полном отсутствии у него какого бы то ни было архива. Никаких бумаг и документов в его кочевой жизни сохранить не могло. Мне в этом смысле повезло больше: у меня есть копии документов.

⁵ Кстати, о Сталине. Тут стоит упомянуть о том превращении, которое претерпел зиновьевский антисталинизм в нулевые годы: в докладах и текстах вернувшегося на родину Зиновьева сталинский период стал вершиной советской истории, а репрессии превратились в естественный способ “самозащиты” государства [4, с. 207–215].

Вот протокол совместного заседания партбюро, дирекции и месткома Института философии от 26 февраля 1974 года [11]. Пункт первый повестки дня — “о награждении сотрудников института орденами и медалями в связи с 250-летием АН СССР”. К награждению были представлены 10 человек: двое к ордену Трудового Красного Знамени (среди них Эвальд Ильенков, ему в тот год исполнялось 50 лет), одна сотрудница к ордену Дружбы народов и семеро к медали “За трудовую доблесть” (среди них Александр Зиновьев). Ильенкову ордена не дали; о том, что Эвальд Васильевич вообще был к нему представлен, я узнала только из архивных документов, в семье эта тема вообще не обсуждалась. Похоже, что, уж не знаю, на каком уровне, разобрались как раз с Ильенковым. Впрочем, к наградам и званиям отец на протяжении всей жизни оставался совершенно равнодушен. Он не хотел даже защищать докторскую, его буквально заставили выйти на защиту мама и Василий Васильевич Давыдов, которые взяли на себя все хлопоты и всю техническую работу.

Что же касается того, что уровень награды Зиновьева был, по его версии, “понижен на уровне ЦК”, то это утверждение мы вправе считать гиперболой, то есть сознательным преувеличением.

Подлог

Разумеется, подлог — не литературный прием. В данном случае это одно из обвинений (обвинений более чем серьезных), предъявленных моему отцу. «Однажды мне позвонили из редакции газеты “Известия”, — пишет Зиновьев, — и сообщили, что моя статья принята к публикации. Никаких статей в эту газету я не посылал. Кто-то сочинил эту гнусную марксистскую статью от моего имени. Я предполагаю, что это сделал мой бывший друг Эвальд Ильенков. Он мог это сделать в порядке хохмы, которыми мы регулярно обменивались. Но эта хохма выходила за рамки шуток. Мое предположение основывается на том, что его открытые письма в президиум АН СССР и в ЦК насчет моего “логического позитивизма” по стилю были похожи на “мою” статью в “Известиях”. Я потребовал произвести расследование по поводу подлога. Но по указанию Федосеева дело замяли» [3, с. 415].

Никаких дат, названий, пояснений в цитируемом отрывке нет. Обвинение строится на допущении: “кто-то сочинил”, “я предполагаю”. Но дело сделано — тень брошена. Упоминаются также какие-то “открытые письма”, но тоже безо всяких подробностей. Тень становится еще гуще. Замечу, однако, что между “открытым письмом” и “доносом” — разница весьма существенная.

Спустя много лет после написания “Исповеди”, в начале 2000-х, на лекции в МГУ Зиновьев повторяет эту историю [10]. Теперь никаких сомнений в авторстве Ильенкова у докладчика нет; выясняется к тому же, что только философское начальство

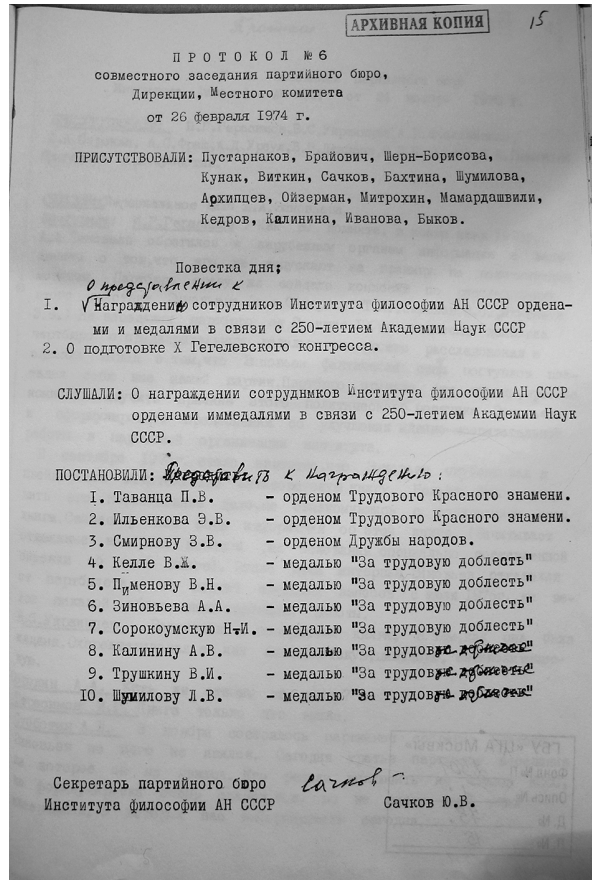
тех лет остановило Зиновьева от обращения в суд. Эпизод “подлога” предваряется словами: “Кто такой Ильенков — вам известно. Он превозносится сейчас...” [там же]. Уже Бог знает сколько лет нет Ильенкова в живых, но его популярность продолжает беспокоить Зиновьева. И в сущности ерундовая история вновь раздувается до масштабов злоумышленного гонения и преследования.

Что тут на самом деле было подлогом — “гнусная статья”, с помощью которой Ильенков якобы хотел запятнать марксизмом антимарксиста Зиновьева⁶, или сама эта история, никак и ничем не подтвержденная? На сей счет у меня есть свое мнение, однако не стану его никому навязывать.

Метафора

Пора перейти к самому серьезному обвинению, выдвинутому Зиновьевым против моего отца, — в написании множества доносов: «Я мог в своем поведении позволить себе многое такое, что было фактически запрещено для других, например не быть марксистом, общаться с иностранцами, печататься на Западе; свои лекции, публичные выступления и частные разговоры вести так, “как будто никакой советской власти, никакого марксизма, никакой партии не существовало” (это слова из одного из доносов, которые на меня в те годы сочинял мой близкий друг и вместе с тем непримиримый враг Э. Ильенков)» [3, с. 399].

Примечательно, что слово “донос” в “Исповеди” встречается 54 раза, куда чаще, чем слова “логика” или “философия”. Доносы, судя по тексту, сопровождают Александра Александровича на протяжении всей жизни и видятся ему за каждым очередным поворотом судьбы. Согласно Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, “донос означает сообщение частным лицом подлежащей власти о совершенном кем-либо преступлении, с целью вызвать судебное расследование”. Со времени выхода в свет старорежимной энциклопедии слово “донос” обросло в нашем сознании многими устрашающими ассоциациями: “Алоизий Мога рыч”, “клевета”, “репрессии”, “КГБ”, “Гулаг”, — ряд может быть продолжен. Обвиненный в доносите льстве в нынешнем общест-

Протокол совместного заседания партийного бюро, дирекции и местного Ма Института философии АН СССР о представлении сотрудников к наградам (ЦГА Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 75. Л. 15)

⁶ Именно так интерпретировал ситуацию сам А.А. Зиновьев на лекции в МГУ, утверждая при этом, что был в СССР единственным антимарксистом [10].

венном сознании заклеямен, ему нет места среди порядочных людей, его имя должно быть предано забвению.

“Он по крайней мере десятков доносов на меня написал”, — бросил на ходу Зиновьев, заканчивая свою лекцию в МГУ [10].

Откуда А.А. Зиновьеву могло стать известно о “десятке доносов”? Ведь настоящий донос — дело “ночное”, не публичное, тайное.

Вариантов ответа несколько. Первый — сам автор сообщил жертве, что он на нее донес. Согласимся, это маловероятно.

Другой вариант: жертве сообщают о доносах получатели. В нашем ассоциативном ряду это либо партийная верхушка (какой-нибудь идеологический отдел ЦК), либо “органы” (проще говоря — КГБ). В данном случае пришлось бы предположить, что у Зиновьева были доверительные контакты с адресатами доносов. Поощадим Зиновьева и откажемся от подобной версии.

Остается еще одна версия. На мой взгляд, самая правдоподобная. Мы имеем дело с очередным литературным приемом, а именно — с метафорой. Александр Александрович словом “донос” называет любое письменное несогласие с его теоретическими взглядами. И в самом деле, просто сказать, что “Ильенков спорил со мной, полемизировал устно и письменно”, — это беззубо, скучно и, мало того, требует обращения к теоретическим аргументам. А.А. Зиновьев же обходился без аргументов: “Меня спросили, верно ли это, будто я недооцениваю марксистскую диалектическую логику. Я сказал, что это неверно. ...Если человек недооценивает что-то, то он это все-таки как-то ценит. А я так называемую марксистскую диалектическую логику просто презираю как шарлатанство” [3, с. 415].

Такого рода издевательские высказывания, которые Зиновьев позволял себе, еще работая в Институте, Ильенков не мог оставить без ответа. И действовал, замечу, всегда в открытую.

В архиве отца есть отдельный листок — к сожалению, ни начала, ни конца, ни даты. Но совершенно очевидно, что речь идет о взглядах Зиновьева. Похож ли текст на донос — предлагаю судить читателю.

«...Но ломать голову над этой проблемой ему [Зиновьеву] по каким-то причинам не захотелось. Может быть, потому, что он не чувствовал в себе силы придумать тут что-нибудь “нетривиальное”.

И выход был найден. Наш герой объявил в один прекрасный день (его биографам, если такие найдутся, предстоит выяснить точную дату), что все то, что он ранее считал “очевидным” и “тривиальным”, отныне надлежит считать выдумкой. С проблемой было покончено одним махом. Диалектика? — Выдумка. Тезис о взаимном превращении противоположностей? — Выдумка. Противоречие? — Выдумка. Все это не имеет никакого отношения к логике. Правила логики не имеют никакого отношения к реальному миру. Они суть только правила “оперирования высказываниями и терминами”. Все остальное — от лукавого.

Оригинального во всем этом было немного — одна лишь храбрость, с которой провозглашались известные тривиальности неопозитивизма в стране, где неопозитивизм никакой популярностью не пользовался. И всё.

Вот эта-то храбрость кому-то и стала чрезвычайно импонировать, по той причине, что неопозитивистская интерпретация “логики” недвусмысленно противостоит (ни для кого в мире это не секрет) материалистической диалектике, понимаемой как логика и теория познания.

Иного секрета популярности работ А.А. Зиновьева в известных кругах людей нет. Пусть поклонники “таланта” философа объяснят миру: что нового внесли его сочинения в логику как науку. Что именно Зиновьев в этой науке “изобрел”. Пусть назовут хотя бы одну проблему в логике, которую он не то что решил, а хотя бы вразумительно поставил. В данном отношении последуем рекомендации самого Александра Александровича и “не будем приписывать исследователю способности решать неразрешимые задачи”» [2, с. 11].

Почему же с такой настойчивостью А.А. Зиновьев использовал зловонную и многозначительную метафору даже спустя много лет после кончины моего отца? Почему ему так хотелось намертво прицепить к имени Ильенкова это гнусное слово — донос? Ответ, наверное, можно было бы поискать и в теоретических разногласиях двух бывших друзей. Но мне почему-то кажется, что психологическая экспертиза в данном случае была бы более уместна.

“Дело Ильенкова”. 1958 год

А теперь все-таки о том, как вели себя два “друга-врага” в почти зеркальной ситуации.

На партийных мероприятиях, посвященных преступлению Ильенкова — передаче рукописи книги зарубежному издательству, — Зиновьев выступил шесть раз. Вот несколько цитат.

А.А. Зиновьев о публикации в “Вопросах философии” статьи о Лукаче: “В перерыве партийного собрания и после собрания все в один голос ему говорили, что он тут абсолютно неправ, что Каммари⁷ здесь совершенно прав, что Ильенкову нужно последовать примеру Каммари. Говорил об этом Петр Васильевич, говорил Соколов, говорил Виктор Петрович, после собрания об этом говорили, когда стенгазету делали. *У Ильенкова всегда есть какое-то упрямство, которое нужно сломить.* Он последовал советам и, в конце концов, признал, что поступил неправильно” [15, л. 214] (курсив мой. — Е.И.).

А.А. Зиновьев о рукописи Э.В. Ильенкова, оказавшейся за рубежом: “Относительно рукописи, отосланной в Италию, — это для всех было как гром среди ясного неба. Если бы Эвальд Васильевич в свое время посоветовался с нами, этого не случилось бы. То, что в серьезных вещах совет требуется, это факт. Я уверен, что

⁷ М.Д. Каммари, в то время главный редактор журнала.

Ильенков — студент философского факультета МГУ. Конец 1940-х годов

на него насел бы весь сектор и все было бы по-другому” [там же] (курсив мой. — *Е.И.*).

А.А. Зиновьев о потере партийной бдительности: “...факт остается фактом, что последние несколько лет расслабили у молодежи политическую бдительность и твердость. Это факт несомненный. К нам приезжало много иностранцев, говорилось о том, чтобы посылать за рубеж свои статьи, обмениваться статьями. Я думаю, что это тоже сказалося. Я не хочу сказать, что это был плохой период, тут серьезные положительные результаты были достигнуты. Но то, что тут перегнули в некоторой мере, это сказалося, и, очевидно, исчезла ответственность за последствия. Таково мое искреннее убеждение.

Относительно Эвальда Васильевича. Я его очень хорошо знаю. Я думаю, что марксист он преданный, преданный по-настоящему, до самых печенок. Если он что-то не то и делает, то именно в силу либо того, что он берет неправильные теоретические посылки, либо в силу того, что он не знаком с рядом положительных результатов современной науки — если бы он это знал, он и в теории не допустил бы ошибку. Это все ему в самой резкой форме говорилось” [там же, л. 216] (курсив мой. — *Е.И.*).

А.А. Зиновьев о том, что Э.В. Ильенкова следовало бы примерно наказать: “Такого рода вещи, как это было с Лукачем, когда он выступил на собрании, — за это ему нужно было дать основательно, чтобы он запомнил на всю жизнь” [там же, л. 217] (курсив мой. — *Е.И.*).

А.А. Зиновьев о статье Э.В. Ильенкова: «Тут есть еще одна важная деталь, которую мы упускаем: у нас полностью отсутствует внутренняя критика своих собственных работ. Эвальд Васильевич опубликовал серьезную статью, которая нашла широкий отклик за рубежом. По существу никаких критических замечаний в отношении этой статьи у нас не было. В “Вопросах философии” же было такое отношение: мы с П.В. Таванцом попробовали покритиковать статью Ильенкова, так у нас статью не взяли. Кроме всего прочего надо наладить такую критику, чтобы было видно отношение ко всем этим материалам у нас, в Союзе. А то создается такое впечатление: выступил человек со статьей у нас и можно подумать, что во всем Советском Союзе нет таких сил, которые могли бы обнаружить ошибки в статье или выдвинуть еще что-то более серьезное» [там же, л. 235] (курсив мой. — *Е.И.*).

Я не беру на себя роль обвинителя, прекрасно понимая, что таковы были правила игры, которые диктовались временем. И правила эти существовали в другом измерении, нежели реальные человеческие взаимоотношения. Свидетельство тому — не прервавшаяся после всех диких, на нынешний взгляд, публичных партийных унижений дружба Ильenkова и Зиновьева.

И все-таки слова были сказаны. Они могли быть другими. Можно было и промолчать. Посмотрим, как спустя почти 20 лет в аналогичной ситуации повел себя Ильенков.

“Дело Зиновьева”. 1976 год

В “Исповеди отщепенца” Зиновьев перечисляет людей, которые составляли его круг общения: А. Бовин, Б. Шрагин, А. Пятигорский, Н. Коржавин, И. Фролов, Н. Биккенин, Ю. Карякин, Э. Неизвестный, “будущий директор Института психологии В. Давыдов, будущий известный философ Э. Ильенков, который будет членом комиссии, подготовившей судилище надо мною в Институте философии” [3, с. 328].

Итак, подходим к финалу. Все стенограммы партбюро и партсобраний, посвященные “Делу Зиновьева”, передо мной. Разберемся, какое отношение имел Ильенков к “судилищу”.

Июнь 1976 года. После того, как Александра Александровича не выпустили в Финляндию, он собрал иностранных корреспондентов и дал им интервью — жаловался на советскую власть. По случаю упомянутого события в Институте философии была создана комиссия, в задачу которой входило разбирательство с антисоветским поступком Зиновьева. В комиссию вошли Т.И. Ойзерман, В.С. Семенов (главный редактор “Вопросов философии”) и Э.В. Ильенков.

Почему отец согласился участвовать в работе этой комиссии? С одной стороны, сам факт его присутствия в комиссии был партийным иезуитством (ведь всем была известна многолетняя дружба Ильenkова и Зиновьева, и, возможно, был соблазн запятнать Ильenkова участием в комиссии). Но, с другой стороны, с позиции сегодняшнего дня трудно понять логику поведения членов партии, их представление о долге и ответственности. Это было в порядке вещей — дружба не могла помешать партийной принципиальности, как ее тогда понимали. Кстати, правила партийной игры по сравнению с 1950-ми годами, с “Делом Ильenkова”, не сильно изменились. Представляется, что ситуация складывалась почти зеркальная. Только на этот раз “с товарищами не посоветовался” сам Зиновьев.

Прежде чем обратиться к документам “Дела Зиновьева”, следует упомянуть, что с лета 1976 года Александр Александрович на партийные собрания и заседания бюро не приходил, партийный билет сдал, взносов не платил. То есть о том, что происходило в Институте на самом деле, он мог знать только по рассказам третьих лиц, среди которых, думаю, недоброжелателей

Ильenkova было предостаточно. Рассказы эти, что вполне логично предположить, некоторым образом трансформировались с помощью описанного выше приема — гиперболы, которой, как мы уже знаем, Зиновьев владел в совершенстве.

Приведу пример. А.А. Зиновьев пишет: “На собрании в Институте философии, на котором единогласно меня подвергли публичному осуждению, мои коллеги и среди них мои бывшие многолетние друзья требовали предать меня суду” [3, с. 471].

Утверждаю: на партсобрании Института никто ни разу про суд как юридическую инстанцию не говорил. Осуждению, разумеется, подвергли — но разве не именно этого сознательно и методично добивался Александр Александрович? Ему нужен был ореол мученика и изгнанника, и он его получил.

7 июля 1976 года в Институте заседало партбюро. Среди других вопросов в повестке значился пункт “Выводы комиссии, созданной в связи с поступком Зиновьева А. Отв. Ойзерман Т.И.” [12]. На этом партбюро речь шла только об интервью, данном Зиновьевым зарубежным корреспондентам по поводу отказа выпустить его в Финляндию. Кроме выступления Эвальда Васильевича, все остальные цитаты приводятся в сокращенном виде⁸.

Т.И. Ойзерман: «Вчера мы, члены комиссии, собирались и говорили с Зиновьевым А.А. Он сказал, что сделал это [дал интервью] сознательно, обдуманно, что он предупреждал секретаря партийного бюро Герасимова И.Г. Мы старались понять его и не могли. Он считает себя выдающимся логиком страны, был избран членом Академии наук Финляндии. Ему говорили, что нет претензий, но всякий раз не выпускали за границу. Наши слова об антипартийности этого поступка им отвергались, и он говорил, что нам не понять друг друга.

...Нашу беседу он закончил словами: “Я устал, хватит, дескать, обсуждений”.

Нам нужно избежать идеологического скандала. Перед нами идеологический противник».

Э.В. Ильенков: “У меня то же мнение”.

Постановление партбюро: “1. Принять к сведению сообщение комиссии. 2. Предложить комиссии доработать персональное дело Зиновьева, обратив внимание на его поведение и эволюцию взглядов” [там же].

Замечу, на указанном заседании партбюро Эвальд Васильевич произнес всего одну фразу. Стоит обратить внимание и на такие факты: отец дал согласие войти в комиссию *до того*, как стало известно о публикации книги Зиновьева за рубежом (вышла в сентябре 1976 года); в решении партбюро речь об исключении последнего из партии, увольнении с работы и прочих карах вовсе не шла.

В книге же Зиновьева все выглядит иначе: “Комиссия настаивала на том, чтобы я объявил сообщения западной прессы и радио вымыслом, обещая оставить меня на работе и ограни-

⁸ В полном виде протоколы партийных собраний по “Делу Зиновьева” будут размещены на сайте ijjenkov.ru.

Е. Иллеш
“Дело
Ильенкова”
и “Дело
Зиновьева”

Конец 1950-х (?)
годов. Еще друзья.
Слева направо:
Э. Ильенков,
А. Субботин,
П. Таванец,
А. Зиновьев

читься строгим выговором по партийной линии. Я отклонил это предложение. Тогда меня срочно уволили с работы” [3, с. 467].

Следующее заседание партбюро, посвященное “Делу Зиновьева”, состоялось осенью. Теперь главной темой уже стала публикация “Зияющих высот” [13]. На заседании Эвальд Васильевич отсутствовал (!), как, впрочем, и другие члены так называемой комиссии. С содержанием “Зияющих высот” собравшихся ознакомили И.Г. Герасимов и Б.С. Украинцев. Понятно, что их “рецензии” были сугубо отрицательными. Были предложены меры наказания: исключить из партии, лишить ученых званий и правительственных наград, уволить из института. В постановляющую часть вошло только предложение об исключении из партии, каковое было принято единогласно.

Наконец, заключительный акт драмы — институтское партсобрание. Оно состоялось 2 декабря 1976 года [14]. Второй вопрос повестки дня — персональное дело А.А. Зиновьева. Состав преступления: интервью зарубежной радиостанции, затем издание в швейцарском издательстве книги “Зияющие высоты”. С выходом книги за рубежом дело приняло новый оборот. После оглашения решения партбюро об исключении Зиновьева из КПСС слово было предоставлено **Б.С. Украинцеву**, который делился впечатлениями от прочитанной книги (впечатления довольно мрачные).

Следующим выступил **Т.И. Ойзерман**, председатель комиссии по делу Зиновьева. Вот выдержки из его выступления: “Партбюро создало комиссию по делу Зиновьева в составе Ильенкова, Семёнова, Ойзермана. Сразу же после того, как стало известно о том, что он дал интервью буржуазным журналистам, 6 июля мы вызвали его на заседание комиссии, еще не зная всех других фактов, которые характеризуют его как врага социализма. Первый во-

прос, который ему был задан: как могло случиться, что вы, член партии с 1954 года, обратились к представителям капиталистических стран с жалобой на то, что органы советской власти не разрешили вам заграничную командировку? Зиновьев ответил, что он нисколько не раскаивается в содеянном, что он совершил заранее продуманное дело, что он предупредил секретаря партбюро Института за несколько дней до своей встречи с буржуазными журналистами, что устроит грандиозный скандал, что в дальнейшем он намерен поступать подобным же образом.

Таким образом, сразу же стало очевидным, что перед нами субъект, сознательно вступивший на путь борьбы против партии, социализма...

Отвечая на наши вопросы, Зиновьев с непонятным, чудовищным самомнением утверждал, что он единственный настоящий логик в СССР, что о нем знает весь мир, что им решены труднейшие логические проблемы, что все другие советские логики невежды или проходимцы и т.д.

...Как могло получиться, что сектор, в котором работал Зиновьев, не информировал партбюро о его настроениях, которые, по-видимому, как-то все-таки проявлялись? Как могло случиться, что партбюро неоднократно рекомендовало его для поездки за границу? Как объяснить тот факт, что книга Зиновьева, подвергавшаяся серьезной критике в печати, была увенчана первой премией Института философии? Почему Зиновьева два года тому назад рекомендовали в состав партбюро? ...Чем объяснить тот факт, что по представлению дирекции и партбюро Зиновьев был награжден медалью?" [14, л. 12–13].

Далее в своей продолжительной речи **А.Л. Субботин** в основном критиковал теоретические взгляды Зиновьева, а также упрекал его в "диком честолюбии" [там же, л. 14–21]. Потом слово дали Эвальду Васильевичу.

Э.В. Ильенков: "Мне остается немного добавить после предшествовавших [предшествующих] выступлений. Зиновьев — это человек, занявший крайне антисоветскую позицию. Причем сваливать вину на хромосомы нельзя, с детства он антисоветчиком не был. Не думаю, что он был антисоветчиком на войне, в университете. Я не знаю, когда он стал антисоветчиком, но он давно поменял Маркса на Карнапа. У меня были с Зиновьевым хорошие отношения, пока он не расплевался с марксизмом в логике и не стал издеваться над диалектической логикой. Зиновьев пошел против партии, идеологии и, видимо, советской власти. Это стало ясно уже в день нашего разговора с ним. К сожалению, я сегодня не могу выступать в качестве члена комиссии. С 7 июля, с тех пор, как мы доложили партбюро, комиссию не собирали ни разу. А пяти месяцев было достаточно, чтобы изучить дело более тщательно, все обстоятельства этого дела. Не ясно, как могло случиться, что Зиновьев выбрал путь антисоветчика. Меня занимает вопрос: возможно ли было такое 10–15 лет назад. В Институте последние годы сложилась обстановка неумеренного захвалива-

ния одних секторов и направлений работы и травля других. При Федосееве, Константинове, Копнине можно было организовать людей вокруг полезной, серьезной работы. А в этой ненормальной обстановке должно было что-то случиться. Вот и случилось!” [там же, л. 22–23].

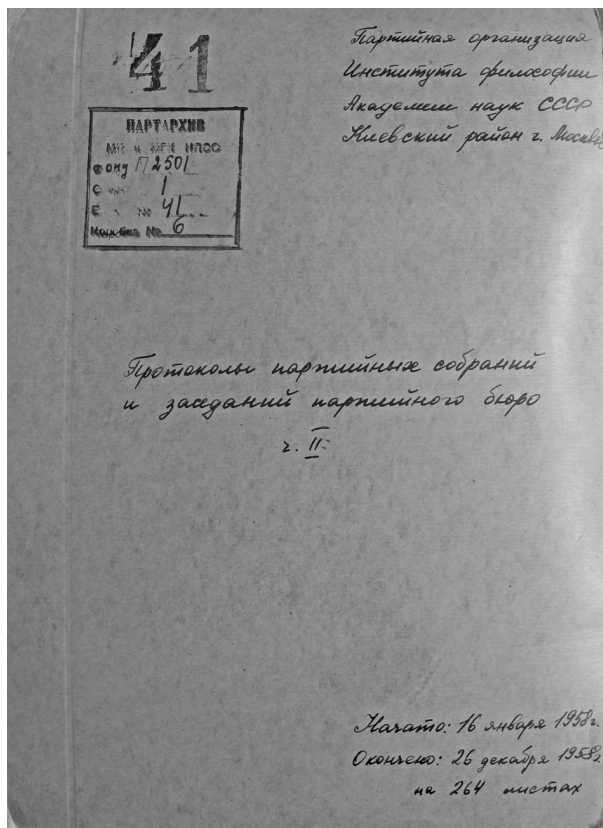
Как бы впоследствии ни изображал Зиновьев роль Эвальда Васильевича в “расправе” и в “судилище”, нельзя не заметить, что в выступлении последнего не было никакой кровожадности, не было требования “дать ему [Зиновьеву] основательно, чтобы запомнил на всю жизнь”. Единственная претензия Ильenkова к Зиновьеву лежала в теоретической плоскости — обвинения в измене диалектике (что, собственно, Эвальд Васильевич делал и прежде). Мало того, Ильenkов пытался переложить вину за скандальное событие на руководство Института, на нездоровую обстановку, за что ему, Ильenkову, тут же и досталось.

Айсберг

После короткого выступления Эвальда Васильевича ход собрания принял неожиданный оборот. Слово взял постоянный оппонент Ильenkова — **Й. Элез**: «Ильenkов меня опередил. Я собирался критиковать партбюро за то, что Ильenkова включили в комиссию, но он сам заявил, что как бы не считает себя членом комиссии. Я считаю, что те причины, на которые ссылались Субботин и Ильenkов не выявляют сути дела. Субботин пытался доказать причины падения Зиновьева в спорах внутри формальной логики. ...Я также считаю, что действительные причины падения Зиновьева не лежат и в области диалектической логики, как нам это изобразил Ильenkов.

...Ильenkов здесь заявил, что падение Зиновьева произошло где-то около 14–15 лет назад, когда он перешел от диалектической логики к формальной, подменив Маркса Карнапом. Но коли так, то непонятно, почему Ильenkов счел нужным свалить вину этого падения на Украинцева и Герасимова, которые здесь работают 2–3 года. Ильenkов считает, что нарыв существует около 15 лет, но что он не прорвался при прежних директорах. Поразительная логика!

...Если, по мнению Ильenkова, Зиновьев скатился на антисоветские позиции около 15 лет назад, то целесообразно познакомиться с деятельностью Зиновьева за этот период и особенно с деятельностью той группы, которая тогда издавала стенную газету. Не в последнюю очередь следует вспомнить и другую причину. А именно содержание книжки, которое нам сообщил Украинцев, мне очень напоминает те “идолы”, которые (Ильenkову известно где и кем) развенчивались теоретически. Когда мы показываем в наших исследованиях, что социалистическому обществу присуще отчуждение, что основное противоречие между машиной, включая сюда и производственную машину, и человеческим обществом вообще, что диктатура пролетариата есть

Архивная папка (1958) бывшего партархива МК и МКГ КПСС, теперь ЦГА Москвы (Ф. 2501. Оп. 1. Д. 41. Кор. 6)

чтобы создать авторитетную комиссию, которая изучила бы те идеологические процессы, которые происходят в институте. В книге Зиновьева подробно описываются институтские дела, в частности, связанные с работой редколлегии. Я удивлен неподуманным выступлением Субботина. Он занимается поверхностными явлениями, а надо искать глубокие причины. Мне кажется, что мы уже вступили в спокойный период развития. Есть и другой факт. Мы не можем привлечь людей к разработке вопросов материалистической диалектики. Некоторые авторы взяли за правило упрекать директора за свои неудачи. Мне кажется, что страсти улеглись. Мы согласны на переделку и изменение названий ваших трудов. Нужно бросить кокетничать элитарностью. Гарантирую, что спокойная обстановка будет обеспечена” [14, л. 25–26].

Позволю себе перебить директора Украинцева. О чем это он? Что за айсберг? Ну, верхушка, понятно, — это Зиновьев. Но что там под водой? Кто “кокетничает элитарностью”? Какие страсти и куда улеглись? Похоже, даже на этом посвященном Зиновьеву собрании тому не удалось стать единственным солистом. Счеты сводились не с ним одним — с ним все было уже ясно: он получит то, что хотел, — звание выдающегося диссидента и борца за свободу. Но на “переделку и изменение” чьих трудов

идол, который надо устранить... Видимо, здесь над этим нам тоже нужно подумать» [там же, л. 23–24].

Сквозь сумбур речи Элеза недвусмысленно звучит обвинение: в книге Эвальда Васильевича “Об идолах и идеалах” [8] можно усмотреть идейные предпосылки поступка Зиновьева. Элез, как теперь говорят, “перевел стрелки”.

Завершила собрание речь директора **Б.С. Украинцева**: “Товарищи! Когда мы готовили этот вопрос о ренегате Зиновьеве, мы уже предвидели и даже почти угадали, что некоторые товарищи попытаются свести этот вопрос на другие рельсы. Есть айсберг, его самая большая часть подводная, она важнее той, которая торчит над водой. Так и в этом вопросе. Мы поступим неразумно, если пойдем по пути митинга. Обсуждение этого вопроса будет гораздо правильнее, если партийное бюро и дирекция подумают над тем,

согласен директор? На кого “наезжал” неугомонный Элез? Неужели и теперь, в этот звездный партийный час, соперником Зиновьева в который раз становится Ильенков? Похоже, что да.

Дадим Украинцеву закончить речь: “Нужно Зиновьева исключить из партии, ходатайствовать перед Верховным Советом о лишении его наград. В нашем коллективе нет места отщепенцу” [там же].

Собрание постановило: “1. За антисоветские и антипартийные действия, выразившиеся в публикации за рубежом клеветнической, злобной и циничной книги о советском обществе и советской науке, в передаче лживых сведений буржуазным органам информации Зиновьева А.А. исключить из рядов КПСС.

2. Рекомендовать дирекции и Ученому Совету Института философии АН СССР ходатайствовать перед соответствующими органами о лишении Зиновьева А.А. всех ученых степеней, научных званий и наград. Рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего использования Зиновьева А.А. в качестве научного сотрудника Института философии, изучить причины политического падения Зиновьева А.А. и сделать необходимые выводы для улучшения идейно-воспитательной работы в нашей партийной организации и в коллективе Института философии АН СССР” [там же].

Решение было принято единогласно.

Вот и вся история. Сейчас, по прошествии многих лет, зная судьбу “возвращенца” Зиновьева, обласканного сначала западной общественностью, а затем и новой российской властью, возмущаться решением того давнего партсобрания было бы просто нелепо. Таковы были правила игры, и ни на какой другой исход человек, основательно оснащенный аппаратом формальной логики, рассчитывать не мог. Мало того, Александр Александрович рассчитывал и просчитывал именно такой результат. Именно он стал трамплином на пути к мировой славе, к которой так стремился Зиновьев.

И тем труднее понять не исчезнувшую с годами злую ревность к своему старому другу, оставшемуся на всю жизнь верным себе и выбранному пути.

* * *

В заключение еще один короткий эпизод. Александр Александрович вернулся в Россию в 1999 году. Тогда мы с мужем работали на РЕН-ТВ в информационной программе; я была ее редактором. Как было не поехать со съемочной группой на встречу со знаменитым диссидентом-возвращенцем!? Насколько же я была наивна, если не сказать — глупа! Надо было готовиться к встрече, читать книги Зиновьева, “учить матчасть”. Но мне казалось, что памяти о прошлом, об отце достаточно для дружеской встречи и короткого разговора. Не тут-то было. Никакого “дяди Саши”. Меня встретило ледяное равнодушие. Едва протянутая рука,

ни улыбки, ни приветливого слова. В тот момент решила: мне было продемонстрировано величие всемирно известного писателя, меня с моим репортерским задором просто поставили на место. Теперь же, когда я с большим опозданием вникла в “матчасть”, вижу в том эпизоде другое. Некоторым образом дочь “ответила за отца”, приняв на себя плохо скрываемую враждебность.

Жаль, что я не умею свободно оперировать психологической терминологией. Возможно, термины “репрессия” (“вытеснение”) или “замещение” были бы тут уместны. Осталось только сказать, что отец очень переживал “отречение” Зиновьева. И поминал ему только два греха — помимо оскорблений в адрес диалектики еще и то, что бросил пить. Папа считал, что именно это исказило “Сашкину” личность. Об этом, правда, мне еще труднее судить, чем заниматься психоанализом...

Литература

1. *Зиновьев А.А.* Зияющие высоты. Suisse: l'Age d'Homme, 1976.
2. *Зиновьев А.А.* Логика науки. М.: Мысль, 1971.
3. *Зиновьев А.А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф, 1999.
4. *Зиновьев А.А.* Сталин. Сталинская эпоха. Сталинизм // Конец преддистории человечества: социализм как альтернатива капитализму: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. Москва, Ин-т философии РАН, 27–29 мая. Омск, 2004.
5. *Иллеш Е.Э.* (авт.-сост.), *Лекторский В.А., Майданский А.Д., Раскин И.А.* Эвальд Ильенков: От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. М.: Канон+, 2017.
6. *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” К. Маркса. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
7. *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997.
8. *Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968.
9. *Ильенков Э., Коровиков В.* Страсти по тезисам о предмете философии, 1954–1955. М.: Канон+, 2016.
10. Лекция Зиновьева. Фрагмент об Ильенкове. URL: <https://cloud.mail.ru/public/9vJ7/AA1mog8ou> (дата обращения: 14.07.17).
11. Протокол № 6 совместного заседания партийного бюро, Дирекции, Местного комитета от 26 февраля 1974 г. // ЦГА Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 75. Л. 15.
12. Протокол № 16 заседания партийного бюро Института философии АН СССР от 7 июля 1976 г. // ЦГА Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 80. Л. 72–73.
13. Протокол № 24 заседания партийного бюро Института философии от 24 ноября 1976 г. // ЦГА Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 80. Л. 95–96.
14. Стенограмма обсуждения персонального дела т. Зиновьева на партсобрании Института философии 2 декабря 1979 г. // ЦГА Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 80. Л. 9–29.
15. Стенограмма обсуждения персонального дела т. Ильенкова на партбюро Института философии 11 ноября 1958 г. // ЦГА Москвы. Ф. 2501. Оп. 1. Д. 41. Л. 209–237.
16. Философская оттепель и падение догматического марксизма в России. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.